

Ю.В. ТАРАНУХА

“Невидимая рука” Адама Смита: содержание и роль

В статье исследуется начальный этап становления теории конкуренции. Автор показывает, что загадочная “невидимая рука” рынка в понимании А. Смита есть не что иное, как конкуренция. Обращается внимание на то, что используемые для обоснования экономического либерализма ссылки на Смита часто не вполне отвечают его воззрениям, а критическое отношение к конкуренции как к методу координации хозяйственной деятельности сформировалось еще на заре становления теории конкуренции.

Ключевые слова: конкуренция, “невидимая рука”, свободная конкуренция, экономический либерализм.

DOI: 10.31857/S086904990002758-5

У истоков теории конкуренции

Когда речь заходит о конкуренции, истоки ее анализа связывают с именем А. Смита, хотя он не был первым, кто обратил внимание на это явление. Роль соперничества в ценообразовании отмечалась еще меркантилистами. Р. Кантильон в “Общем очерке о природе торговли вообще”, изданном в 1755 г., выделил предпринимательское соперничество в качестве механизма, регулирующего деятельность продавцов, движимых своеокрыстием и руководствующихся изменениями рыночных цен [Ekelund, Herbert 1997, р. 71–72]. Возможно, уже здесь появляются идеи о “невидимой руке” [Thornton 2009]. П. Буагильбер более чем за полвека до Смита увидел в конкуренции “упорядочивающий экономический принцип” [Шумпетер 2004, т. 1, с. 278]. Соперничество между агентами рынка использовалось для объяснения механизма формирования рыночных цен Д. Юмом и Дж. Стоартом, а также физиократами Ф. Кенэ и А.Р. Тюрго, с работами которых Смит был хорошо знаком. Тем более, что к моменту появления “Богатства народов” конкуренция была привычным понятием в трудах по экономике, а ее аналитическая функция, связанная с влиянием на рыночные цены, была хорошо знакома экономистам [McNulty 1967, р. 396].

Собственно теории конкуренции Смит также не создал, да и неставил перед собой такой задачи. Для него она – очевидная повседневность, не требовавшая специального анализа. И учений обращался к ней лишь в той мере, в какой это было ему необходимо для обоснования доктрины свободного предпринимательства – главной цели его знаменитого “Исследования о природе и причинах богатства народов”. Тем не менее его суждения стали той основой, на которую опираются все экономические школы при исследовании конкуренции. Дело в том, что именно Смит придал конкуренции то интеллектуальное и идеологическое значение, благодаря которому она стала ключевым элементом в экономическом анализе, выступая в качестве силы, вынуждающей предпринимателей, действующих в своеокрыстных целях, неосознанно служить общему благу [McNulty 1968].

Тарануха Юрий Васильевич – доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 46. E-mail:yu.taranukha@mail.ru

Воззрения Смита на природу конкуренции коренятся в его концепции *homo economicus*, согласно которой люди вступают в обмен с целью извлечения экономической выгоды. При таком подходе возникновение соперничества среди агентов рынка было закономерным. Поскольку участники рыночного обмена стремятся к реализации сходных целей, то естественно напрашивался вывод: смысл конкуренции состоит в соперничестве за доступ к ограниченным благам. При этом соперничество рассматривалось Смитом в качестве определяющей поведенческой характеристики рыночных агентов, суть которой – стремление завоевать превосходство в хозяйственной деятельности. Такая трактовка может быть названа классической, так как выраженная в ней содержательная сторона процесса, пусть и в разных вариациях, прослеживается практически во всех существующих теориях конкуренции.

В своем анализе Смит опирался на наблюдаемые им факты рыночной повседневности, которые недвусмысленно указывали на то, что соперничество между продавцами возникает при наличии излишков продукта, а соперничество между покупателями – в случае его дефицита. Логика подталкивала его к выводу, что рыночная конкуренция возникает из-за диспропорций между структурой рыночного спроса и предложения. Поэтому для него непосредственная причина возникновения конкуренции – это нарушение рыночного равновесия. Следовательно, источник запуска конкурентного механизма находится вне субъектов конкуренции и выступает по отношению к ним внешней силой. В этой части его подход стал концептуальной базой для формирования структурной трактовки конкуренции. Но в отличие от неоклассической трактовки, Смит связывает содержание конкуренции не с установлением рыночного равновесия, а с борьбой за преимущества, что указывает на признание им активной роли участников в конкурентном процессе. Это служит основанием для противников структурного подхода, полагающих, что Смит видел в конкуренции не состояние рынка, а процесс. Существует вопроса, однако, в другом. Даже если конкуренция для Смита была процессом борьбы за преимущества, то видел ли он в этой борьбе эндогенный фактор развития конкуренции?

П. МакНалти верно отметил, что внимание, которое Смит уделял разделению труда как фактору прогресса и эффективности, свидетельствует о понимании им важности динамических изменений в производственной технике и промышленной организации, а сам Смит может рассматриваться как предтеча концепции, определяющей конкуренцию как генератора нововведений [McNulty 1968, р. 647–648]. Прав он и в том, что Смит удивительным образом забывает увязать идею развития техники производства с концепцией конкуренции. Представляется все же, что дело не в забывчивости. Вопрос в понимании причин возникновения конкуренции. Для Смита – это нарушение рыночного равновесия. Поэтому он рассматривал ее как дискретный процесс возникновения соперничества при нарушении рыночного равновесия и ее исчезновения при установлении равновесия. Иначе говоря, конкурентный процесс представлялся Смиту как переход от одного рыночного равновесия к другому, то есть в форме модели сравнительной статики. Его рассуждения об условиях конкуренции, изменение которых – лишь следствие действия экзогенных факторов, подтверждают это. Таким образом, данное обстоятельство, а не забывчивость, стало причиной того, что в смитианской концепции конкуренции предпринимательский аспект оказался вспомогательным, а главными темами анализа стали “меркантилистская озабоченность ценой” и исследование конкуренции “в терминах обменных отношений между неизменными экономическими единицами” [McNulty 1968, р. 648].

МакНалти, однако, не разглядел подлинную причину “забывчивости” Смита, но в оценке ее последствий он оказался прав. На мой взгляд, существует методологическое родство между смитианским и неоклассическим подходами в вопросе о конкуренции. Поэтому провозглашение сторонниками структурного подхода смитианской концепции конкуренции в качестве своей теоретической базы вполне закономерно. Этим я не отрицаю того, что в смитианской концепции конкуренции имеются истоки динамического подхода к ее анализу [Блауг 2004, с. 108]. Но видеть в нем родоначальника динамиче-

ской теории конкуренции, где она представляется в виде эндогенно эволюционирующе-го процесса, вряд ли обоснованно.

Важный и совершенно новый аспект смитианской концепции состоял в том, что конкуренция рассматривалась как регулятор не только рыночных цен, но и движения капиталов, причем регулятор, выполняющий двойственную функцию. С одной стороны, конкуренция обеспечивает выравнивание нормы прибыли, трансформируя отраслевые нормы в среднюю норму прибыли. С другой стороны, именно конкуренцию Смит называет непосредственной причиной общего снижения средней нормы прибыли. Первое свидетельствует о понимании Смитом глубины воздействия конкуренции на экономическую жизнь. Второе привносит противоречивость в выдвинутое им концептуальное положение о роли конкуренции. Получается, что конкуренция – фактор экономического развития, но она же и источник препятствий для экономического роста.

Загадка “невидимой руки”

Широкой публике Смит известен как автор понятия “невидимой руки”, ставшего нарицательным. Есть экономисты, трактующие это выражение как особое учение [Невидимая... 2009]. Такое восприятие “невидимой руки” настолько укоренилось, что даже редакторы работ Смита считают этот оборот часто используемым им в своей теории [Смит 1997, с. 335]. В действительности же Смит применяет это выражение лишь трижды. Причем, как справедливо отмечается в [Thornton 2017, р. 1], вне всякой связи друг с другом и в совершенно разном и весьма туманном смысле [Syed 1990]. Первый раз он использует эту фразу в “Истории астрономии”, высмеивая тех, кто приписывают божественное происхождение вещам, которые могут быть объяснены с научной точки зрения. Второй раз – в “Теории нравственных чувств” [Смит 1997, с. 185]. П. Диксон считает, что здесь выражение “невидимая рука” появляется для обоснования идеи о справедливом распределении благосостояния в экономике (как будто распределенному “невидимой рукой”) через потребление богачей [Dickson 1992, р. 77]. Мне же представляется, что в данном пассаже Смит обосновывает более простую мысль: “богатство – не порок”, в том смысле, что от обогащения одних выигрывают и другие. Подчеркивая, что подобная вынужденная “щедрость” – результат не благожелательства богачей, а действия некоей “невидимой руки”. Наконец, в третий раз эта фраза присутствует в “Богатстве народов” [Смит 2007, с. 443]. Но и здесь смысл написанного выражен настолько расплывчато, что не позволяет однозначно утверждать, что же хотел сказать автор. Приведенные примеры свидетельствуют, что сам Смит никакого особого смысла в понятие “невидимая рука” не вкладывал и применял его в качестве броского выражения [Syed 1990].

Возможно, поэтому столь щепетильный и глубокий исследователь истории экономического анализа, как Й. Шумпетер, в Путеводителе по “Богатству народов” даже не упомянул о “невидимой руке” [Шумпетер 2004, с. 238–249]. М. Блауг в энциклопедическом справочнике “100 великих экономистов до Кейнса” в статье, посвященной научным достижениям Смита, также ничего о ней не говорит [Блауг 2005]. Весьма показательно и то, что оба автора употребляют понятие “невидимая рука”. Но обращаются к нему не для того, чтобы отразить взглядения Смита, а для характеристики доктрины свободного рынка, сформировавшейся на рубеже XIX–XX вв. под вывеской “невидимой руки”. У Шумпетера это связано с анализом концепции автоматического механизма регулирования внешней торговли и, как следует из контекста, он приписывает ее авторство не Смиту [Шумпетер 2004, с. 488]. Блауг в “Методологии экономической науки” неоднократно обращается к выражению “невидимая рука”, анализируя проблему оптимального функционирования экономики, но использует это выражение в качестве образного обозначения доктрины нерегулируемого рынка [Блауг 2004, с. 208–212, 218, 259–260]. Иначе говоря, выдвижение “невидимой руки” в ранг научной проблемы – заслуга не Смита, а его последователей, которым она послужила удобным инструментом для обоснования идеологии *laissez-faire*. Это несложно обнаружить, об-

ратившись к работам по истории экономической мысли (см., например, [Селигмен 1968, с. 62, 136, 216, 229, 493]).

Тем не менее выражение “невидимая рука” создало обширное поле для научных спецификаций. Вот лишь краткий перечень его толкований, которые мы находим в [Thornton 2017, p. 4–6]:

- процесс, направляющий частные интересы в русло общественных потребностей;
- ценовой механизм, приводящий рынок в состояние равновесия;
- строй, обеспечивающий согласование непреднамеренных действий отдельных лиц;
- конкуренция, направляющая субъективные действия в нужное для общества русло;
- процесс, обеспечивающий взаимную выгоду от обмена;
- процесс, обеспечивающий приобретение навыков и знаний, увеличения богатства;
- инструмент защиты национальной промышленности, предотвращающий экспорт капитала;
- невидимая рука – это Бог, в смысле той общефилософской позиции, согласно которой божья воля выражается в природе и в ее законах;
- наконец, “невидимая рука” – это всего лишь игра слов.

Кое-что в этом перечне, несомненно, надумано. Это касается трактовки “невидимой руки” как процесса обретения знаний и как инструмента защиты национальной промышленности, ибо в тех условиях для подобных постановок отсутствовала почва. Выраженная в законах природы “божья воля” вполне отвечает духу воззрений Смита, но думается, он вряд ли удовлетворился бы столь расплывчатым содержанием “руки” и скорее всего подразумевал под ней что-то более конкретное, а главное – более действенное. Опираясь на контекст “Теории нравственных чувств” и “Богатства народов”, можно утверждать, что рассуждения Смита ведутся относительно согласования частных и общественных интересов. В “Богатстве народов” это выражено наиболее явно. “Обладатель капитала, – говорит Смит, – … невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входит в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным способом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремился бы делать это” [Смит 2007, с. 443]. Следовательно, для Смита “невидимая рука” – это сила, направляющая частный интерес в русло общественной потребности. Притом не просто направляющая, а принуждающая. Такой посыл полностью отвечает идее, которую продвигал Смит в “Богатстве народов”: предоставление возможности для реализации эгоистических интересов – лучший способ приумножения богатства народа. “...Не от благожелательности мясника, булочника или пивовара ожидаем мы получить свой обед, – подчеркивает Смит, – а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах” [Смит 2007, с. 77].

Но что это за сила – рынок или конкуренция? Однозначного ответа на этот вопрос нет, хотя подавляющая часть экономистов видит в ней конкуренцию. Например, Диксон считает, что “невидимая рука” применяется в качестве объяснения движения капиталов и направляет капитал в сферу с наибольшей ожидаемой отдачей, сокращает дисбаланс между спросом и предложением [Dickson 1992, p. 77]. На этом основании ее можно трактовать как рынок. Однако, он указывает (и на мой взгляд, обоснованно), что за этим скрывается более глубокий смысл – конкуренция. Диксон считает: именно конкуренция создает условия, принуждающие продавцов не только ориентироваться на потребности клиентов, но и стремиться обслуживать их лучше, чем делают конкуренты [Dickson 1992, p. 77–78]. А это в наибольшей степени соответствует идее, развиваемой Смитом, – обосновать неизбежность согласования частных и общественных интересов. Действуя в качестве конкуренции, “невидимая рука” обеспечивает такое согласование через ограничение устремлений отдельного лица к личной выгоде. Блауг также полагает, что Смит подразумевал под “невидимой рукой” конкуренцию, в которой видел механизм, способствующий “разделению труда”, имея в виду прогрессивные изменения в экономике [Блауг 2004, с. 260].

Понимал ли сам Смит под “невидимой рукой” конкуренцию – навсегда останется тайной, так как ясных указаний на этот счет в его текстах нет. Если строго следовать бу-

кве и духу контекста, в котором этот термин использовался, то можно сделать два бесспорных утверждения. Первое: “невидимая рука” – стихийная сила, регулирующая направленность действий частного интереса. Второе: это выражение применяется для обоснования тезиса, что стихийный способ координации хозяйственной деятельности предпочтительнее прямого участия уполномоченных лиц или органов. Именно эта идея, закамуфлированная под “невидимую руку”, обеспечила не только популярность самого термина, но и принятие adeptами *laissez-faire* смиотианского наследия в качестве научной базы. Есть и косвенные подтверждения тому, что именно такой смысл вкладывал Смит в понятие “невидимая рука”. Он был знаком с работой Р. Кантильона, где идея о переходе экономики от управления “видимой рукой” собственника к “невидимой руке” рынка выражена достаточно прозрачно (см. [Tornton 2009, р. 2, 20]). Тем более, что у обоих была одна и та же задача – доказать преимущество экономики предпринимательского типа.

Существует точка зрения, что в “невидимой руке” заключено нечто большее, чем “управляющая сила”. Например, А. Коган полагает, что это некое мистическое связующее звено, обеспечивающее передачу макроуровень экономики [Коган 2010, с. 13, 25]. Аргументация для обоснованности столь расширительной трактовки проста – отсутствие пояснений у Смита [Рубин 2010, с. 44]. Но дело в том, что у авторов “нового” прочтения термина “невидимая рука” нетнятного пояснения специфики вкладываемого в него содержания. Если рассматривать вопрос в информационной плоскости, то и здесь передача информации с макро- на микроуровень экономики, как показал Ф. фон Хайек, обеспечивается именно через конкуренцию. Содержание этой связи дано в теории межотраслевой конкуренции [Маркс 1957], где отражены внутренние пружины и характер ее действия без всякой мистики.

Ю. Рубин предлагает рассматривать “невидимую руку” как “инструмент действия, которым пользуются участники рынка, преследующие собственные и общественные интересы и совершающие ради этого надлежащие конкурентные действия” [Рубин 2010, с. 44]. Но такое утверждение несет в себе логическое противоречие: “невидимая рука” работает независимо от воли подвергающихся ее действию лиц и они же используют “невидимую руку” как инструмент. Но одно и то же явление субъектом и объектом одновременно выступать не может. И уж никак нельзя согласиться с тем, что участники рынка осуществляют конкурентные действия ради общественной пользы. Напротив, они действуют исключительно в своих эгоистических интересах. А конкуренция невидимой для них “рукой” направляет их поведение в общественное русло, о чем красноречиво свидетельствует приводимая Рубином цитата из “Богатства народов” [Смит 2007, с. 443].

Почему Смит не разъясняет смысл “невидимой руки”? Да потому, что он представлялся ему очевидным и не требующим объяснения. Смысл управляющей руки он видит в том, что она нацеливает производителей-продавцов на удовлетворение потребностей покупателей. “Невидимой” Смит называет ее не потому, что видит в этом нечто мистическое, а по прозаической причине – вследствие *отсутствия субъектов и институтов по постановке целей*. Этим он как бы подчеркивает отличие рыночного способа координации от иерархического, где координация осуществляется “видимой рукой” – конкретными субъектами управления, определяющими цели и способы их достижения.

Попытка разграничения понятий “конкуренция” и “невидимая рука” с целью закрепления за каждым из них особой функции – пример смешения тесно связанных, но содержательно разных явлений. Рынок – это механизм связи обособленных производителей. Конкуренция – это элемент рынка, действие которого связано с контролем над поведением субъектов рынка в смысле подчинения его требованиям, посредством чего и обеспечивается совместимость общественных и своекорыстных интересов агентов рынка.

“Невидимая рука” и экономический либерализм

Для Смита конкуренция – следствие нарушения рыночного равновесия. Поэтому в ней он видел механизм, приводящий структуру предложения в соответствие со структу-

рой рыночного спроса. Именно поэтому для него конкуренция была “невидимой рукой”, направляющей своеокрыстные интересы агентов рынка в русло общественных потребностей. А так как она обеспечивала нужные пропорции между потреблением и производством автоматически, то есть без постановки целей извне, то и становилась идеальным регулятором хозяйственной жизни общества. В этом, собственно, и состоит идеологическая составляющая смитианской концепции, ставшей непререкаемой истиной для сторонников экономического либерализма.

Экономическая составляющая его концепции заключается в регулирующем воздействии конкуренции, которое проявляется в выполняемых ею функциях. Конкуренция не только уравновешивает эгоистические устремления агентов рынка, но и осуществляет отбор среди них, выбраковывая неэффективные хозяйствственные единицы. Наконец – и это *главная функция конкуренции* – она регулирует рыночные цены, производя таким образом рациональное распределение ресурсов и доходов. Победителем в конкурентной борьбе оказывается тот, кто предлагает рынку потребительские ценности по более низкой цене. Следовательно, цена – главный объект конкуренции, а ценовая конкуренция – *основной метод конкурентной борьбы*.

Хотя Смит относил конкуренцию к явлениям, отражающим естественный порядок устройства хозяйства, ее наличие не было для него само собой разумеющейся данностью. Ее существование он связывает с рядом условий, выполнение которых может рассматриваться в качестве обязательных требований, обусловливающих, с одной стороны, присутствие конкуренции на рынке, а с другой – эффективность ее действия. Будучи в этой части первоходцем, Смит в “Богатстве народов” выделил основополагающие *условия конкуренции* (см. [Стиглер 1999, с. 301]):

- наличие на рынке большого количества продавцов как условие интенсивности конкуренции и недопущения сговора между ними;
- отсутствие сговора между агентами рынка как условие действия механизма рыночных цен;
- знание участниками конкуренции условий использования ресурсов в разных отраслях и получение доходов от этого;
- возможность свободного доступа к разным сферам деятельности и свободного же изъятия капитала из них как условий достижения рыночного равновесия;
- наличие времени, достаточного для приспособления агентов к изменениям рыночных условий.

Этим Смит фактически определил основные детерминанты конкуренции, используемые и сегодня при ее характеристике: численность конкурентов, роль информации и отраслевых барьеров, тип взаимодействия конкурентов и значение фактора времени. Конкуренция имеет место там, где действует множество соперничающих продавцов, принимающих независимые решения в условиях свободного доступа к ресурсам и рынкам. Такое состояние рынка он определил как свободную конкуренцию. *Свободная конкуренция* по Смиту – это свобода предпринимательства, трактуемая им как отсутствие сословных и корпоративных ограничений, налагаемых государством посредством предоставления торговых привилегий или регулирования доступа к профессиональным занятиям. Такая трактовка содержания свободной конкуренции дает ключ к пониманию трех важных вопросов смитианской концепции конкуренции.

Первый из них касается содержательной стороны конкурентного процесса. Хотя у Смита действие конкуренции увязывается с проблемой установления рыночного равновесия и набором структурных параметров рынка, это вовсе не означает, что его следует рассматривать в качестве предтечи структурного подхода, где конкуренция понимается как состояние рынка, определяющее выбор соперников. Напротив, структурный и смитианский подходы несовместимы в своей глубинной сущности [McNulty 1968, р. 649–650]. У Смита конкуренция – не равновесное состояние рынка, а движущая сила, подталкивающая к равновесию. Причем она представляет собой поведенческую модель, суть которой состоит в завоевании преимуществ. Поэтому для Смита понятие “конкурировать” означает борьбу за обретение преимуществ – монопольных признаков. Любая

форма конкуренции (даже ценовая), рассматриваемая через такую призму, по своей сути – “монополистическая”.

Второй вопрос связан с проблемой соотношения конкуренции и монополии. Логика рассуждений Смита о содержательной стороне конкуренции указывает: завоевание монопольного положения на рынке в виде конкурентного преимущества – естественный результат конкуренции. Это означает, что есть основание для включения его в число adeptов противопоставления конкуренции и монополии, традиционного для неоклассического подхода. Вместе с тем в “Богатстве народов” Смит однозначно неодобрительно высказывается по поводу монополий, называя их “страшным врагом эффективного управления”. Из этого можно заключить, что оценки данного явления у него и у неоклассиков принципиально совпадают. Тем более, что формально в смитианской свободной конкуренции не должно быть места монополии. Решение проблемы, как представляется, состоит в том, что Смит вкладывает в понятие “монополия” совершенно особый смысл – обладание статусными или законодательно закрепленными правами. Иначе говоря, у него речь идет об институциональной монополии, которая существовала в виде охраняемых законом особых привилегий и прав, что было характерно для того времени.

Третий вопрос – об истолковании “свободы” конкуренции. Не вызывает сомнения, что для Смита свободная конкуренция – не просто необходимый атрибут хозяйственного устройства, а естественный порядок, к которому следует стремиться. Мотивы, приведшие его к подобному выводу, очевидны. Во-первых, эта идеология отвечала философской позиции Смита: общее благо может достигаться только через предоставление полной свободы действию естественных законов, одним из которых для него выступала конкуренция. Во-вторых, она отвечала тому историческому моменту, в котором разрабатывалась: борьба “коммерческого общества” против статусных ограничений и за свободу предпринимательства. В-третьих, такая идеология фактически была политическим императивом, направленным против идей меркантилизма.

Означает ли это, что Смит был сторонником свободной, необузданной игры рыночных сил и может считаться adeptом экономического либерализма? Его представления о роли свободной конкуренции как идеального регулятора хозяйственной деятельности находят выражение в тезисе, что свободная конкуренция – условие максимизации общественного благосостояния. Соответственно, понимание им свободы конкуренции не могло выходить за рамки действий, нацеленных на общий рост благосостояния, но не свободу действий вообще. Тем более, что последнее вряд ли укладывалось бы в развиваемые Смитом идеи шотландской моральной философии. По крайней мере, можно утверждать, что его видение этой проблемы существенно отличалось от взглядов Д. Рикардо, связывавшего свободную конкуренцию не только с отменой сословных ограничений, но и с набором условий, открывающих простор для экономического рационализма [Рикардо 1955]. Подчиненный целям эгоистического поведения, этот набор предполагал устранение каких-либо социальных регуляторов. Поэтому не Смит, а Рикардо заложил базу идей, которые впоследствии воплотились в идеологии экономического либерализма, подразумевающей, что общественный порядок должен быть подчинен порядку меновых интересов [Анализ… 2006, с. 64–67], то есть опираться исключительно на действие рыночных сил.

Следующий шаг в развитии поведенческой трактовки конкуренции связан с именем Дж.С. Милля, заслуга которого в определении конкуренции как системного фактора рыночного хозяйства. Согласно его аргументации, именно конкуренция позволяет установить законы регулирования цен, ренты, прибыли и заработной платы, а посему, благодаря конкуренции, “...политическая экономия имеет право притязать на научный характер” [Милль 1980, т. I, с. 394]. Хотя Милль был последовательным рикардианцем, его оценка роли конкуренции в экономической жизни отличается большей сдержанностью. По его мнению, было бы ошибкой считать, что “конкуренция действительно всегда совершает то, к совершению чего она имеет тенденцию в теории”. Конкуренция не столь всемогуща, как это принято считать. Ее регулирующее воздействие ограничено обычаями и привычками [Милль 1980, т. I, с. 394–395]. Он придает этой проблеме столь важное

значение, что посвящает вопросу об ограниченности влияния конкуренции на хозяйственную жизнь специальную главу, а в нескольких последующих главах обосновывает значение обычаев. Квинтэссенция его рассуждений сводится к двум важным выводам. Очевидный: конкуренция действует не во всех сферах хозяйственной жизни, а там, где она действует, ее влияние имеет не одинаковую силу. Завуалированный: свобода действия конкуренции не всегда благо и нуждается в ограничении этой свободы. Поэтому нельзя согласиться с МакНалти в том, что Милль “едва ли что-то добавил в понимание экономического значения конкуренции” [McNulty 1967, р. 647].

Теоретическое наследие классической экономической школы позволяет утверждать, что оно не содержит ясной и целостной концепции конкуренции. И не только потому, что конкуренция не была главным объектом анализа. Как справедливо заметил Блауг, классики опирались скорее на силу логики, чем на применение ясных методологических принципов [Блауг 2004, с. 108]. Тем не менее задача исследования конкуренции была поставлена именно представителями этой школы. И поставлена она была столь широко, что послужила основанием для разных подходов к анализу конкуренции, а присущие ей слабости создали двусмысленность в отношениях между идеями совершенной конкуренции и предпринимательским поведением [McNulty 1968, р. 650].

Одна из слабостей классической теории конкуренции состоит в том, что она не соотносилась с издержками производства. Но упрекать в этом классическую школу нельзя хотя бы потому, что именно ее представители положили затраты в основу своего анализа. Проблема в том, что смильтонский пассаж про мясника, булочника и пивовара указывает на эгоистические устремления участников рынка как достаточное условие оптимизации рыночной системы. Однако ни у Смита, ни у Рикардо, ни у Милля нет указаний на связь конкуренции с издержками производства, то есть ценовая конкуренция вынуждает заботиться об их снижении, что является преимуществом в достижении эгоистических целей. В результате сформировалось представление, что личная корысть сама по себе гарантирует стремление предпринимателей к оптимизации своей деятельности, в то время как теория не удосужилась соотнести конкуренцию с поиском способов по сокращению издержек [McNulty 1968, р. 650–652]. Опираясь на концепцию “Х-незэффективности” Х. Лейбенстайна, МакНалти верно отмечает, что “невидимая рука” отнюдь не гарантирует наилучшего распределения ресурсов. Прав он и в том, что даже в теории совершенной конкуренции нет объяснения для минимизации издержек. Однако он упустил из виду, что оно имеется у К. Маркса¹. Причем мотивация к усовершенствованию производства объясняется им не личностными свойствами предпринимателя, как у Шумпетера, а принуждением, оказываемым на него именно конкуренцией². Маркс, в отличие от Смита, связывает действие конкуренции не только с ее внутренними параметрами – эгоистическими устремлениями, но и с внешними факторами, где уровню издержек производства отводится определяющее место в борьбе за преимущество. При этом получается, что по Смиту для действия конкуренции достаточно внутренних сил – частных интересов, а по Марксу для этого требуется еще и внешнее воздей-

¹ “...Конкуренция постоянно преследует капиталиста своим законом издержек производства, и всякое оружие, выкованное им против своих соперников, направляет против него самого, капиталист постоянно старается перехитрить конкуренцию, неустанно вводя вместо старых машин и старого разделения труда новые, правда, более дорогие, но удешевляющие производство машины и новое разделение труда, и не дожидается, пока в результате конкуренции эти нововведения устареют” [Маркс 1957, с. 455].

² “В конкуренции эта внутренняя тенденция (погоня за добавочной стоимостью. – Ю.Т.) капитала выступает как принуждение, которое над ним производит чужой капитал и которое гонит его вперед за пределы правильной пропорции, беспрестанно требуя: марш! марш! ... По своему понятию конкуренция есть не что иное, как внутренняя природа капитала, его существенное определение, проявляющееся и реализующееся во взаимном воздействии многих капиталов друг на друга, не что иное, как внутренняя тенденция, выступающая в форме внешней необходимости. Капитал существует и может существовать лишь в виде множества капиталов, и его самоопределение проявляется поэтому в виде взаимного воздействия капиталов друг на друга” [Маркс 1980, т. I, с. 395–396].

вие – достижения других соперников. Поэтому у Маркса конкуренция носит принудительный характер – ее нельзя избежать и от нее нельзя отказаться.

Вторую слабость классической теории конкуренции МакНалти связывает с ее неспособностью соотносить конкуренцию с экономическим ростом из-за тяготения ее представителей, в частности Рикардо, к проблеме распределения ресурсов и ценовой конкуренции. Между тем данный упрек может быть смягчен вследствие того, что в рамках классической школы разделение труда внутри производства рассматривалось одним из важнейших факторов экономического роста. Здесь я не согласен с МакНалти в том, что предположение Смита по поводу влияния конкуренции на углубление разделения труда было случайным, поскольку именно в нем он видел источник богатства народов.

Наконец, третья слабость классической теории конкуренции состоит в создании предпосылки для ее атомистической трактовки, отрицающей воздействие поведения участников конкуренции друг на друга [McNulty 1968, p. 654–655]. Действительно, сторонники структурной концепции конкуренции имеют тенденцию игнорировать возникающее между агентами конкуренции взаимодействие. Но в какой мере это может быть отнесено к классической концепции конкуренции? Будучи ревностным сторонником свободной конкуренции, Смит подразумевал под свободой не атомистичность устройства рынка, а всего лишь невмешательство государства в рыночный механизм. Связывая содержание конкуренции с борьбой за преимущества и активной ролью участников в конкурентном процессе, он не мог игнорировать возникающего в результате их взаимного воздействия друг на друга. В этой связи, говоря о роли идеи, заключенной в “невидимой руке”, следует акцентировать внимание не на том, что она ориентирует на ограничение вмешательства в рыночный механизм, а на том, что “рука” выражает силу, уравновешивающую эгоистические притязания соперников, то есть требует наличия полноценных конкурентных условий. Это означает, что когда речь идет о регулировании рынка, то под этим прежде всего должно пониматься создание качественных конкурентных условий. В этом, собственно, мне и видится роль учения о “невидимой руке”.

Протест против “невидимой руки”

С момента первых теоретических обобщений конкуренция провозглашалась одновременно и условием, и свидетельством экономической свободы, а само исследование конкуренции велось исключительно с позиций поиска аргументов в пользу этой свободы. Но именно это стало исходной причиной для критики конкуренции. Идеология свободной конкуренции, выраженная во введенном еще физиократами лозунге *laissez-faire*³, для многих поколений экономистов превратилась в незыблемый принцип организации рыночного хозяйства. Между тем уже на этапе становления эта идеология разделялась не всеми. Но здесь моя цель – не сравнение подходов к оценке рыночной свободы, сложившихся на протяжении последних 200 лет. Ведь даже в условиях господства смильтанских идей представление о конкуренции как двигателе хозяйственного прогресса разделялось далеко не всеми. Иначе говоря, были и сомневающиеся в созидательной силе “невидимой руки”.

Первые критические стрелы по конкуренции были выпущены еще С. де Сисмонди в “Новых началах политической экономии” (1819 г.). В отличие от современников, он видел в конкуренции не благо, а главную причину социальных бедствий (массового разорения мелких товаропроизводителей), и призывал правительство защитить население от “роковой конкуренции”. Для него конкуренция – не инструмент установления рыночного равновесия, а причина возникновения экономических кризисов. Конкуренция заставляет расширять производство. Она же способствует укрупнению состояний (дифферен-

³ *laissez-faire, laissez passer* (буквально: “позволять действовать и позволять вещам идти своим ходом” – франц.), (пусть идет, как идет) – формула, выражающая принцип свободы предпринимательства, который заключается в требовании полной свободы действий.

циации доходов). В результате возникает превышение производства над потребностями и, как следствие, экономический кризис [Сисмонди 2007]. Сходные идеи в то же время были выдвинуты и французскими социалистами-утопистами А. Сен-Симоном и Ш. Фурье, по мнению которых источником всех бед были разобщенность индустрии и конкуренция. Единственный путь исправления общества они видели в замене конкуренции регулированием производства посредством создания ассоциаций производителей. Причем в рамках этой критики Фурье выделил такое особое следствие конкуренции, как возникновение экономической монополии – “торгового феодализма”, по его терминологии, к которой привела концентрация и централизация капитала.

И все же первым, кто подверг конкуренцию целенаправленной критике, был социалист-рикардианец Дж. Грей, причем с двух позиций: экономической и этической. Конкуренция, по его мнению, – фактор нарушения естественной организации обращения, так как не позволяет производителям возмещать затраты их труда и ограничивает рост совокупного спроса (размеров богатства, получаемого производительным и торговым классами). Создавая противоестественные границы производству, она ограничивает рост общественного богатства и порождает бедность [Грей 1955, с. 67–70]. Но существование критики Грея заключалось не в оценке роли конкуренции. И даже не в ее жесткости. Узловый момент этой критики состоял в том, что она велась против конкуренции как принципа организации хозяйственной деятельности. Причем принципа, который имеет отнюдь не естественную природу, а есть “дело рук человеческих”. Конкуренция – это следствие “противоположности людских интересов при употреблении капитала и распределении продукта труда” [Грей 1955, с. 71]. Поэтому и устранение конкуренции находится в человеческих силах (в руках правителей страны). И это может быть осуществлено “в любое время без малейшей трудности, без малейшего насилия, без малейшей действительной несправедливости по отношению хотя бы к одному человеку” [Грей 1955, с. 72]. Суть предлагаемого Греем механизма устранения конкуренции состояла во внедрении принципа эквивалентного обмена посредством создания “рабочих денег”, отражающих затраты рабочего времени на производство продукта. Благодаря этому обеспечивалось бы равенство между спросом и предложением, а значит, устранялась бы экономическая основа для конкуренции между производителями, что отвечало чаяниям мелкобуржуазных слоев того исторического периода. В качестве вспомогательного инструмента достижения рыночного равновесия предполагалось внедрение в “социальную систему” добровольных торговых ассоциаций, на которые возлагались задачи по регулированию производства [Грей 1955].

Таким образом, уже на заре становления рыночной экономики один из ее основополагающих элементов подвергся самой суповой критике. Конкуренция – это источник стихии и причина экономических кризисов, и ее следует рассматривать не как механизм согласования частных и общественных интересов, а напротив, как механизм, посредством которого проявляется и реализуется противоречивость интересов. Оценка конкуренции, как видим, диаметрально противоположна той, которой придерживались основатели классической школы. Причина этого коренится в различиях между историческими периодами, служившими авторам полотном для наблюдений. Смит был свидетелем выхода на сцену мелкого буржуа, стремившегося освободиться от пут феодального общества и, следовательно, видевшего в свободной конкуренции реализацию принципа свободы предпринимательства. Начало XIX в. – период перехода к крупному машинному производству, преимущества которого над мелким ремесленным производством реализовались именно благодаря конкуренции, ставшей для идеологов мелкобуржуазных слоев “роковой” и “ противоестественной” силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики (2006) / Под общ. ред. А. Шюллера и Х.-Г. Крюссельберга. М.: ЗАО Издательство “Экономика”.

- Блауг М. (2005) 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа.
- Блауг М. (2004) Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. 2-е изд. М.: НП “Журнал вопросы экономики”.
- Грей Дж. (1955) Сочинения. М.: Госполитиздат.
- Коган А.М. (2010) Разграничение конкуренции и “невидимой руки” как регуляторов экономики развитых рынков // Современная конкуренция. № 2 (20). С. 11–26.
- Маркс К. (1980) Критика политической экономии. Экономические рукописи 1857–1861 гг. М.: Политиздат.
- Маркс К. (1957) Наёмный труд и капитал / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. М.: Госполитиздат.
- Милль Дж. С. (1980) Основы политической экономии. В 3 т. Т. I. М.: Прогресс.
- “Невидимая рука” рынка (2009) / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Риккардо Д. (1955) Начала политической экономии и налогообложения // Риккардо Д. Сочинения. Т. I. М.: Госполитиздат.
- Рубин Ю.Б. (2010) Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции // Современная конкуренция. № 3 (21). С. 38–67.
- Селигмен Б. (1968) Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс.
- Сисмонди Ж. Ш. Л. (2007) Новые начала политической экономии. М.: Директмедиа паблишинг.
- Смит А. (2007) Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Смит А. (1997) Теория нравственных чувств. М.: Республика.
- Стиглер Дж.Дж. (1999) Совершенная конкуренция: исторический ракурс // Теория фирмы. Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа.
- Шумпетер Й. (2004) История экономического анализа. В 3 т. Т. 1. СПб., Экономическая школа.
- Dickson P.R. (1992) Toward a General Theory of Competitive Rationality // The Journal of Marketing. Vol. 56. No. 1. Pp. 69–83.
- Ekelund R., Herbert R. (1997) A History of Economic Theory and Method. McGraw-Hill UK.
- McNulty P.J. (1968) Economic Theory and the Meaning of Competition // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 82, No. 4 (Nov.). Pp. 639–656.
- McNulty P.J. (1967) A Note on the History of Perfect Competition // The Journal of Political Economy. Vol. 75. No. 4. Part 1 (Aug). Pp. 395–399.
- Syed A. (1990) Adam Smith's Four Invisible Hands // History of Political Economy. Duke University Press. Vol. 22 (1). P. 137–144.
- Thornton M. (2009) Kantillon and the Invisible Hand // The Quarterly journal of Austrian economics. Vol. 12, No. 2. Pp. 27–46.
- Thornton M. (2017) The Mystery of Adam Smith’s Invisible Hand Resolved (<http://mises.org/journals/scholar/thornton12.pdf>).

Adam Smith's “Invisible Hand”: defining its content and assessing the role

*Yu. TARANUKHA**

*Taranukha Yury – Ph. D. Professor, political economy department at Lomonosov Moscow State University. Address: Moscow, Leninskie Gory, 1, GSP-1. E-mail: Yu.taranukha@mail.ru

Abstract

The article studies the initial stage of the emerging theory of competition. The mysterious market “invisible hand” in A. Smith’s understanding is nothing but a competition. The references to A. Smith used

to justify economic liberalism often do not fully correspond to his views, and the critical attitude to competition was actually formed at its early stage.

Keywords: competition, “invisible hand”, free competition, economic liberalism.

REFERENCES

- Analiz ekonomiceskikh system: osnovnye poniatija teorii khozajstvennogo porjadka I politicheskoy ekonomii* (2006) / pod red. A. Shüller, H.-G. Krüsselberg [Analysis of economic systems: the basic concepts of the theory of economic order and political economy]. Moscow: ZAO “Izdatel’stvo Ekonomika”.
- Blaug M. (2005) *100 velikikh ekonomistov do Kejnsa* [100 Great Economists before Keynes]. St-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Blaug M. (2004) *Metodologiya ekonomiceskoy nauki ili kak ekonomisty ob’yasnyayut* [The methodology of economic science, or how economists explain]. Moscow: NP “Zhurnal voprosy ekonomiki”.
- Dickson P.R. (1992) Toward a General Theory of Competitive Rationality. *The Journal of Marketing*, vol. 56, no. 1, pp. 69–83.
- Ekelund R., Herbert R. (1997) *A History of Economic Theory and Method*. McGraw-Hill UK.
- Gray J. (1955) *Sochinjeniya* [Works]. Moscow: Gospolitizdat.
- Kogan A.M. (2010) Razgranicheniye konkurentsii i “nevidimoy ruki” kak reguljatorov ekonomiki raznykh rynkov [Differentiate competition and “invisible hand” as a regulator of developed market economic]. *Sovremennaja konkurentsija*, no. 2 (20), pp. 11–26.
- Marx K. (1980) *K kritike politicheskoy ekonomii* [To the criticism of political economy]. Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1861 gg. [Economic manuscripts. 1857–1861]. vol. I. Moscow: Politizdat.
- Marx K. (1957) *Naemnyj trud i kapital*. Marks K., Engels F. Soch. [Marx K., Engels F. Full collection of works], vol. 6. Moscow: Gospolitizdat.
- McNulty P.J. (1967) A Note on the History of Perfect Competition. *The Journal of Political Economy*, vol. 75, no. 4, part 1, pp. 395–399.
- McNulty P.J. (1968) Economic Theory and the Meaning of Competition. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 82, no. 4, pp. 639–656.
- Mill’ J.S. (1980) *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy], t. I [vol. I]. Moscow: Progress.
- “Nevidimaya ruka” [Invisible hand] (2009) J. Eatwell, M. Milgate, P.K. Newman (eds). Moscow: Izdatel’skij dom GU VSHE.
- Ricardo D. (1955) Nachala politicheskoy ekonomii i nalogoblozheniya [The principles of political economy and taxation]. Ricardo D. *Sochineniya* [Works]. V. 1. Moscow: Gospolitizdat.
- Rubin Yu.B. (2010) Diskussionniye voprosy sovremennoy teorii konkurentsii [Discussion questions of modern theory of competition]. *Sovremennaya konkurentsija*, no. 3 (21), pp. 38–67.
- Seligmen B. (1968) *Osnovnyye tcheniya sovremennoy ekonomiceskoy mysli* [Main Currents of Modern Economic Thought]. Moscow: Progress.
- Shumpeter J. (2004) *Istoriya ekonomiceskogo analiza* [History of economic analysis], vol. 1. St-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Sismondi J.Ch.L. (2007) *Novyye nachala politicheskoy ekonomii* [New principles of political economy]. Moscow: Direktmediya publishing.
- Smith A. (2007) *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Eksmo.
- Smith A. (1997) *Teoriya nravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Moscow: Respulika.
- Stigler G.J. (1995) Sovershennaya konkurentsija: istoricheskiy ekskurs [Perfect competition, historically contemplated]. *Terija firmy. Vekhi ekonomiceskoy mysli* [Theory of the firm. Milestones of economic thought], vol. 2. St-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.